

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ МАСШТАБНОЙ
ТЕЛЕПРЕМЬЕРЫ КАНАЛА СТБ —
СЕРИАЛА «КРЕПОСТНАЯ»!

Продолжение романа
«Крепостная. Без права на любовь»

Игрушка в чужих руках и бесправная кукла — вот кем была Катерина всю свою жизнь. Рабыня и прислуга. Крепостная. И теперь она вновь продана, как товар. Ее новая хозяйка — жестокая Лидия Шефер. Она уверена, что Катерина должна ответить за смерть ее возлюбленного Алексея. Лидия стремится превратить жизнь девушки в настоящий ад... Но во время народного восстания крепостной удастся сбежать от жестокой хозяйки в Киев. Впереди — опасный и безжалостный мир киевских борделей. Что же на самом деле ждет Катерину по ту сторону желанной свободы?..

STARLIGHT
FILMS

FILM.UA
GROUP



Можливо все!



ТОЛЬКО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5963-8



КРЕПОСТНАЯ ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ



КРЕПОСТНАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ



КРЕПОСТНАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ



ТОЛЬКО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

КРЕПОСТНАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2019  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ШЗ8

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения правообладателя

ТОЛЬКО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ



- © ООО «СТАРЛАЙТ ФИЛМС», 2018
- © Film.UA Group, 2018
- © ООО «СТАРЛАЙТ ФИЛМС», оригинальное произведение, главные авторы оригинального произведения В. Шевяхова, Т. Пристаецкая, О. Кржечевская, 2017
- © Назаренко И., литературная обработка оригинального произведения, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ISBN 978-617-12-5963-8

Глава первая

Ужас сковал Катерину, и она не шевельнулась, когда Лидия бросила ей под ноги отрезанную косу, не издала ни звука, только молча смотрела на закатное солнце, и из глаз у нее катились слезы.

Лидия наблюдала за Катей с удовольствием: наконец-то свершится месть ее никчемной сопернице, крепостной девке, завладевшей сердцем ее возлюбленного, о котором она мечтала с детства и который теперь ушел навсегда.

— Куда ее? — деловито поинтересовался Захар.

— Пусть приберет за собой. А там веди ко мне.

Лидия отдала ему нож, безглаголиво отшвырнула носком туфли Катину косу и не торопясь удалилась в дом.

— Слышала, что пани приказали? — Захар пнул Катерину сапогом в бок. — Подбери!

Тихо всхлипывая, Катя наклонилась и подняла с земли свою запыленную косу. Сжимая ее в руках, она закрыла глаза, с трудом сдерживая рыдания, не зная, где найти в себе силы, чтобы встретить то, что ее ждет.

— Что стоишь! — прикрикнул Захар. — Выкинь вон туда и пошла давай к хозяйке!

На глазах у всей дворни Катерина бросила свою косу, свою девичью гордость в кучу мусора и побрела в дом. Измученная долгим бегом за подводой, она еле переставляла ноги, а Захар подталкивал ее в спину. Проходя мимо большого зеркала в коридоре, она невольно замерла, ужаснувшись: в зеркале отражалось бледное, покрытое дорожной пылью незнакомое лицо в ореоле торчащих во все стороны клочков волос.

— Чего стала?! — снова толкнул ее в спину Захар.

Он оставил ее в гостиной, где Лидия восседала в кресле, словно королева на троне. Она окинула Катерину ледяным взглядом.

— Сюда иди. Ближе! — приказала она.

Катерина сделала еще несколько неуверенных шагов. Лидия поднялась и обошла ее кругом, продолжая пристально рассматривать.

— Ну-ка, поглядим... Лицом тускла, фигурой не богата... — пренебрежительно скривилась Шефер. — И стоило ли за тебя такие деньги платить?

Катерина молчала, во рту у нее пересохло так, что язык царапал нёбо.

— Ну, отвечай! — потребовала Лидия. — Какой мне от тебя в хозяйстве прок? Или ты только в панских постелях спать обучена? — Она крепко схватила Катю за подбородок.

Та стойко выдержала полный ненависти взгляд новой хозяйки, и Лидия вернулась в кресло.

— Ну? — требовала она. — Отвечай. Что умеешь? Что делала у Червинских?

— Я... покойной Анне Львовне читала по утрам, — смиренно стала перечислять Катерина. — Романы разные. Беседы вели, по-французски, иногда по-немецки.

— Мне это без надобности. Еще что?

— Петь могу, музицировать на различных инструментах.

— Поглядим. Пой.

— Что петь?

— Что угодно!

Катя начала «Воспоминанье» Алябьева — Жуковского, романс, который чаще всего звучал в ее душе после смерти Алеши. Голос ее взлетел к потолку, ослабевший после испытаний, но все еще уверенный и удивительно красивый.

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
 Подобных вам уж сердцу не нажить!
 Ваш след в одной тоске воспоминанья!
 Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!
 Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!
 К вам часто мчит привычное желанье —

И слез любви нет сил остановить!
 Несчастье — о вас воспоминанье!
 Но более несчастье — вас забыть!
 Но более несчастье — вас забыть!

На глаза Катерине сами собой наворачивались слезы. Лидия старалась не поддаваться очарованию ее голоса и растравливала свою ненависть, думая, о ком в действительности поет ее жертва — об Алеше, которого она у Лидии отняла.

О, будь же грусть заменой упованья!
 Отрада нам — о счастье слезы лить!
 Мне умереть с тоски воспоминанья!
 Но можно ль жить, — увь! и позабыть!
 Но можно ль жить...

— Довольно! — прервала ее Лидия, и глаза ее сверкнули нешуточной злобой. — А теперь — пляши! — приказала она.

Опешив, Катерина не двинулась с места.

— Пляши! — Лидия вцепилась в подлокотники кресла и подалась вперед.

Катя не могла подчиниться приказу — унижение было бы слишком велико. Лидия бросилась к ней, словно обрадовавшись поводу спустить свою ярость с цепи, и наотмашь ударила Катерину по щеке. Звук пощечины был хлестким и звонким.

— Пляши! — закричала Шефер, потирая ушибленную ладонь и щурясь от боли. — Ладно же, — сквозь зубы процедила она. — Захар!

Зная нрав своей хозяйки, тот вошел уже с нагайкой в руке.

— Захар, разбаловали ее Червинские. Надо бы поучить.

— Сделаем, — с готовностью кивнул управляющий.

— Ты будешь умолять меня о смерти... — прошипела Шефер в лицо Катерине, сжавшейся в предчувствии боли. — В холодную ее! — скомандовала она Захару.

Схватив Катерину за локоть, Захар выволок ее из гостиной, потащил по коридорам, по дворам — она не разбирала дороги от боли и страха. Наконец он втолкнул ее в какую-то каморку, да так, что она упала на пол.

В ужасе оглядевшись, Катерина увидела множество пауков на стенах, тараканов, разбегающихся во все стороны от света, еще каких-то склизких тварей на полу. К дальней стене была прикреплена цепь с кандалами.

Вошла Лидия, и Захар обратился к ней, разминая плеть:

— Как пороть хотите, пани? На лавке или у столба?

Катя взглянула на лавку и содрогнулась в отвращении: там тоже в изобилии сновали насекомые. Заметив это, Лидия криво ухмыльнулась, вдруг поняв, как можно растянуть мучения своей жертвы и в полной мере насладиться ее страданиями.

— Что ж ты такой жестокосердный, Захар? — с издевкой произнесла она. — Тебе лишь бы пороть. Пусть посидит, подумает до утра. Авось и образумится. — И указала на цепь: — В кандалы ее. А то она бегать от хозяев горазда.

Подтолкнув Катерину к стене, Захар взял кандалы и кивнул на платье:

— Подол подбери.

Покосившись на страшное ржавое железо, Катерина трясущимися руками подняла подол.

— Ногу давай! — в раздражении крикнул Захар.

Катерина вытянула ногу. Примерившись, Захар уже собирался охватить ее лодыжку железным кольцом, но вмешалась Лидия:

— Куда?! За шею! Чтоб и шелохнуться не могла!

Захар поднялся, неуверенно посмотрел на Катерину.

— Э... Боюсь, пани, за шею ковать, так удавится ненароком.

— Ничего. Не удавится.

— Дело ваше, пани. — Но затем он подошел к Лидии и зашептал ей на ухо: — Только вот вам крест — если за шею приковать, так к утру помрет. Ежели вы сами того желаете, то конечно...

Лидия, прищурившись, посмотрела на Катерину.

— За шею! — последовал приказ. Так скоро она со своей добычей расставаться не собиралась, но и отступить от своего слова не желала.

Пожав плечами, Захар отыскал другие кандалы, которые позволяли сковать шею и руки одновременно. Лидия с удовольствием смотрела, как Катерина морщилась от холода и боли, когда Захар надевал ей железный ошейник.

Только когда Захар стал забивать втулку, хозяйка поместья развернулась и направилась к выходу, бросив через плечо:

— Не кормить и не поить, пока не скажу.

Уже после того как ушел Захар, еще долго в голове у Кати звучал ритмичный железный звон укрепляемых на ее теле кандалов...

Когда огласили завещание и стало ясно, что дом теперь принадлежит Григорию, он воспользовался этим, чтобы выставить Ларису вон. Та уехала к себе в Нежин и с тех пор отказывалась и видеть Петра Ивановича, и принимать от него подарки. Старший Червинский метался, вне себя от тоски и ревности, но его сына это не утешало.

Не так представляла себе Натали семейную жизнь. Муж ее был постоянно мрачен, а то и злобен, и даже если находился рядом, мыслями явно отсутствовал. Все чаще он оставлял ее в пустой гостиной одну. Но сегодня она была твердо намерена поговорить с ним, а потому отправилась искать его в притихшем темном доме.

Войдя в курительную, она огляделась. Тут тоже царил мертвая тишина, будто и не было никого. Комнату освещал лишь огонь в камине. Вдруг из-за спинки кресла, повернутого к нему, послышался шорох.

— Гриша, ты тут? — тихо позвала она.

— Тут, — не сразу, нехотя отозвался Григорий. — Где ж мне еще быть?

Натали подошла к Григорию и присела рядом. Озабоченно посмотрела на него, отметив, что он снова в печали. Игра теней углубляла морщины и складки на его лице, отчего он казался намного старше.

— Что случилось? — спросила она. — Снова с отцом поссорились?

— Мы и не мирились, — буркнул Григорий. — Он, видимо, решил убрать из нашей жизни все, что напоминает о матушке. ВСЕ!

— Как это?

— Вот, продал матушкин рояль. А она ведь его так любила...

— Постой... — не поняла Натали. — Как он мог его продать? Ведь Анна Львовна завещала инструмент Кате. Рояль теперь ее.

— Он и Катю продал, — проронил Григорий, мрачно глядя в пол. — Вместе с роялем.

Натали ахнула, услышав эту новость, а Григорий поднялся и принялся расхаживать по комнате, как тигр. Остановившись у стены, он в ярости ударил в нее кулаком.

— Ненавижу его! Не-на-ви-жу!

Натали, уже привыкшая к перепадам его настроения, подошла и положила ладонь ему на спину, пытаясь успокоить:

— Ну, полно, полно... Кто купил?

— Лидия Шефер. — Он в раздражении сбросил ее руку.

У Натали отлегло от сердца.

— Ах, да ведь это не так уж плохо! — воскликнула она. — Лидди не сделает Кате ничего дурного. Вот если б ее купил какой-нибудь старик для... для забав. А так... можно сказать, Китти повезло.

— Ты думаешь? — развернулся к ней Григорий. — Повезло быть изгнанной из дома, который она считает родным? Она доверяла нам... А мы! — Он снова ударил в стену.

Натали немного подумала, с состраданием и жалостью глядя на него, а затем нашлась:

— Я завтра же поеду к ней и поговорю! Мы подруги, и я уверена, Лидди с радостью подарит мне Катю.

Григорий обратил к жене лицо, на котором медленно расцветала улыбка, разглаживая морщины, возвращая блеск в глаза. Он нежно обнял Натали, поцеловал в губы, и та, как всегда случалось, растаяла в его объятиях.

И вдруг отстранилась, втягивая ноздрями воздух.

— Ты снова курил? — разочарованно спросила она.

— Ты же знаешь: мне это нужно! — Григория уже утомили подобные вопросы.

— Я понимаю, тебе очень больно. — Натали снова нежно обняла его. — Но есть лучшее средство унять боль. Вот. — Натали достала из своей сумочки футляр и пузырек и протянула их Григорию.

— Что это? — с подозрением взглянул на них Червинский.

— Морфин. А это, — показала она на футляр, — новое парижское изобретение — машинка для инъекций.

Григорий взял футляр, открыл его, вынул из коробочки конструкцию из стекла и металла и принялся недоверчиво вертеть ее в руках.

— Мне сказали, это самое современное и безопасное средство! — воодушевившись, объясняла Натали. — Обещай, что попробуешь. — Она с надеждой заглянула мужу в глаза.

Тот положил футляр со шприцем в карман и прижал ее к себе в поцелуе.

Катерину разбудил скрежет открывающейся двери, и она судорожно задергалась в цепях, хватая воздух ртом. Чудом она не сломала себе шею. В глаза ударил яркий свет, и, сощурившись, она различила в квадрате проема фигуры Захара и Лидии.

Шефер задержалась на пороге, рассматривая измученную пленницу, и наконец удовлетворенно хмыкнула:

— Ну как? Поумнела?

Катерина ничего не ответила, лишь исподлобья посмотрела на Лидию, пытаясь понять, что ее ожидает.

— Выгаскивай, — бросила Шефер Захару. — Пришло ее время.

Он молча стал сбивать с Катерины кандалы, и у девушки в душе промелькнула надежда. Может, Господь смягчил сердце ее мучительницы?..

Тем временем Захар вывел шатающуюся Катерину на задний двор. Лидия от них не отставала.

— Живей поворачивайся! — понукала она.

Возле колодца Шефер остановила их и кивнула Захару на ведро:

— Окати-ка ее, авось проснется.

Тот недолго думая с размаху выплеснул всю воду из ведра на Катерину, едва не сбив ее с ног. Катя чуть не задохнулась в потоке студеной воды и, чтобы не упасть, ухватилась за столб для наказаний. Зажмурившись, она раскрыла ссохшиеся губы, чтобы хоть несколько капелек скатилось в рот.

— Пи-ить... — сумела выдавить из себя она.

— Тебе воды мало? — удивилась Лидия и с издевкой предложила: — Что ж, попей... — Она указала на другое ведро.

Катерина в слепом доверии опустила на колени и уже склонила голову над ведром, в котором весело поигрывала на солнышке прозрачная влага, как вдруг Лидия ногой перевернула его и вся вода вылилась на землю, тут же впитавшись в нее.

— Только ж набери сначала, — пояснила хозяйка. — Здесь тебе никто прислуживать не станет. — С этими словами Лидия, взяв ведро, швырнула его в колодец. Цепь быстро, с лязгом размоталась, заскрипел деревянный вал, и раздался плеск — ведро плюхнулось в воду.

Катерина с трудом поднялась с колен, взялась обеими руками за ручку ворота и стала вращать его из последних сил. Наконец показалось ведро с водой. Она достала его и, зачерпывая воду ладонью, принялась жадно пить.

Но Лидия не дала ей толком напиться.

— Ну, все! Довольно! — прикрикнула она.

Катерина ее словно не слышала — жажда измучила ее, и она не отрывалась от воды. Тогда подскочил Захар и так резко рванул Катерину за плечо, оттаскивая от колодца, что та ненароком опрокинула ведро. И снова вода из него вылилась на землю. Несколько капель упали у ног Лидии.

— Ах ты ж, мерзавка! — вскинулась барыня. — Ты на меня будешь водой плескать?! Захар! К столбу ее!

И Захар тут же подтащил сжавшуюся от страха Катерину к столбу.

Быстро привязав ее за руки, управляющий примерился, замахнулся плетью и нанес первый хлесткий удар. Катя, не зная

шая доселе жгучей боли от кнута, пронзительно вскрикнула. Этот крик стал для Лидии сладкой музыкой.

Покосившись на хозяйку, Захар еще раз хлестнул Катю по спине. Она содрогнулась с новым жутким воплем.

Крепостные, с утра возившиеся во дворе, косились в ее сторону, не смея смотреть прямо. Но за расправой наблюдал еще один человек...

С того момента, как Катерина попала к Шефер, отец ее Степан кружил возле усадьбы, пытался проникнуть внутрь, разыскать свою дочь и увести ее прочь из этого страшного места. Но собаки и бдительные управляющие пока не позволили ему этого сделать, и он засел в кустах, поджидая удобного случая.

Увидев, как его дочь безжалостно избивают, Степан сдавленно зарычал и бросился к усадьбе. Вдруг его сбили с ног. Не разбираясь, кто это, Степан принялся яростно отбиваться от напавшего, и они покатались по траве, пытаясь одолеть друг друга...

Незнакомец — тот самый, что когда-то напугал Катю на мельнице, — оказался сильнее беглого каторжанина. Обхватив Степана могучими руками, он сковал его движения.

— Да тише! Тише ты, дурак! — зашипел он Степану в ухо.

— Ах ты ж чертова зараза! Пусти! — продолжал трепыхаться тот.

— Уймись! Уймись, ладно? — доброжелательно произнес незнакомец, глядя ему в глаза, и чуть ослабил хватку. — И ее не спасешь, и сам сгинешь!

Степан взвыл, понимая, что тот прав, и от захлестывавших его обиды и бессилия хватил кулаком о землю.

— Чтоб этим скотам всю жизнь кровью харкалось!..

Незнакомец присел рядом.

— Дочка твоя? — с сочувствием спросил он.

— Да...

В этот момент до них донесся еще один Катин крик. Степан опять рванулся, но незнакомец тут же локтем придавил его к земле.

— Пусти! — застонал Катин отец. — Убьют ее, так и мне не жить!

— Да погоди ты, скаженный. Тут по-другому надо. Тихо, — приложил он палец к губам.

И Степан наконец внимательно посмотрел на него.

Неизвестно, сколько бы еще Лидия наслаждалась истязанием Кати, но вскоре к ней подбежал казачок Илько с известием:

— Пани, до вас гости пожаловали!

— Кого еще в такую рань черт принес? — рассердилась она.

— Пани Червинская приехали с визитом, — доложил мальчик.

Хлыст свистнул еще раз, и платье Катерины, уже бессильно повисшей на столбе, порвалось на талии.

— Прикажете продолжать, пани? — вытирая пот со лба, обратился Захар к хозяйке.

Та на секунду заколебалась, оценивая ситуацию, но затем поняла, что Натали может услышать стоны Катерины.

— Нет... — с сожалением произнесла она и тут же добавила: — Пусть работать идет. В поле. У меня даром никто хлеб не ест, — сказала она, схватив Катю за остатки волос и заглянув ей в лицо.

Уже уходя, она дала Захару еще один приказ:

— Глаз с нее не спускай, не ровен час сбежит. И... вечером ко мне ее. Музыцировать станем, — проговорила она со злобным смехом. — Даром, что ль, я рояль покупала?

Лидия встретила гостью с деланным радушием.

— Что ж ты не упредила меня, что приедешь? — сдержанно приняв традиционный поцелуй в щеку, произнесла она и обратилась к казачку: — Подай нам кофе.

Лидия села на диван, а Натали, заметив рояль, подошла к нему и провела рукой по крышке, размышляя, с чего начать.

— Как удивительно этот рояль у тебя в гостиной видеть...

Лидия прищурилась в ожидании, начиная подозревать, что привело сюда Натали.

— Видишь ли, Лидди... произошло некоторое недоразумение... Я про вчерашний аукцион.

— Не понимаю, — подняла подбородок хозяйка.

— Видишь ли... — с волнением повторила Натали. — Петр Иванович сильно переменялся со времени смерти Анны Львовны... Я думаю, что давешнее решение Петра Ивановича продать ее воспитанницу было несколько поспешным. Вряд ли сама Анна Львовна это одобрила бы...

— Ты имеешь в виду, что он не имел права этого делать? — Шефер постаралась придать разговору деловой тон. — Однако по бумагам Катерина Вербицкая — его крепостная.

— Да. Формально — да. Но... все знают, насколько Анна Львовна была привязана к этой девушке. Она сама воспитала ее, относилась к ней почти как к дочери. Китти не чужая нам.

— Не понимаю, чего ты от меня хочешь? — перешла к сути Лидия.

— Я прошу тебя о любезности. — Натали откашлялась. — Место Китти — в Червинке. Она часть нашего дома, часть памяти о покойной...

— Ты хочешь, чтобы я вернула ее? — задала Лидия наводящий вопрос.

— Это было бы очень мило с твоей стороны, — радостно улыбнулась Натали. — А взамен... ты можешь выбрать любую из моих девушек.

Лидия внимательно смотрела на Натали, выдерживая драматическую паузу.

— «Любых» у меня и своих полно в девичьей, — проговорила она медленно, не сводя взгляда с подруги.

— Да, я понимаю, Катя — особенная. Но, Лидди, душенька, прошу тебя! — взмолилась Натали. — Нам с Гришей так хочется, чтобы в Червинке хоть что-то напоминало об Анне Львовне. А она...

— Так возьмите ваш фамильный рояль, — сухо произнесла Шефер. — Даром отдам. Сами знаете, мне он ни к чему, я музыку не особо жалею.

— Но... — растерялась Червинская, — он Катин. Анна Львовна ей завещала. Лидди, душенька! Ну, не будь букой! Окажи мне любезность.

— Вот как — любезность... — холодным тоном заговорила Лидия. — Я открыто купила эту девицу, и за немалую сумму. Никто не принуждал вас к продаже. А теперь уж назад не повернешь. Увы. — Она встала, давая понять, что визит Натали окончен.

Натали, не ожидавшая такого приема, поспешно и сухо попрощалась, стремительно вышла на крыльцо и последовала к карете.

В своих расстроенных чувствах она не обратила внимания на то, что Орыся, ждавшая ее там, о чем-то беседует с казачком Илько и глаза ее округляются от ужаса. Не услышала она и промелькнувшего в этом разговоре имени Катерины...

Вместе с другими жницами Катерина брела к полю, и в глазах ее все еще таяла пережитая боль. Крестьянки по дороге то и дело перешептывались и косились на Катю, на ее когда-то красивое, а теперь изорванное платье, на ее непокрытую остриженную голову.

Подойдя к еще не выжатому полю, крестьянки парами-тройками разошлись по рядам. А Катя остановилась, не зная, что делать, и не в силах сообразить.

— Вот твоя ланка. — Захар сунул ей в руки серп и показал на поле. — До вечера чтоб выжала до края и назад.

Ничего более не объяснив, он поехал на коне вдоль рядов, покрикивая на работников. Катерина в смущении посмотрела на волнующиеся перед ней колосья, на крестьянок, ловко орудующих серпами, и кое-как принялась за работу.

Жницы видели, что она не справляется, но занимались своим делом, изредка перебрасываясь фразами и тихими смешками на ее счет. Лишь Ярослава Горемыка — высокая, крепкая беременная крестьянка — посмотрела на нее с жалостью и, опасливо оглянувшись на Захара, подошла, чтобы помочь.

— Дай покажу. Берешь, скручиваешь, серп подводишь... И р-раз! А ну, пробуй.

Ладони Катерины, маленькие и нежные, уже были ободраны в кровь. Она не могла даже ухватить колосья как следует, а тем более скрутить их.

— Да... — протянула Ярослава, — с такими ручками много не нажнешь. Ты поменьше жмут бери, може, и того...

— Горемыка! — раздался позади окрик Захара, и тут же над ее головой щелкнул хлыст. — Тебе своей работы мало? Так я добавлю!

Вздрогнув и сжавшись от страха, Ярослава поспешно вернулась на свой ряд.

— Предупреждаю! — заявил Захар громко, чтобы все слышали. — Кто к этой, — показал он кнутом на Катерину, — подойдет, получит пять плетей. Подойдет еще — десять! Ишь жалостливые какие...

Все молча и усердно трудились, и Захар все не находил себе дела.

— Любка! Пой! — велел он. — А то ж и со скуки помереть можно...

Девушка затынула песню, другие подхватили — протяжную, печальную, но ритмичную, хоть как-то облегчавшую труд.

— Спасибо вам, — прошептала тем временем Катя Ярославе, надеясь, что Захар ее не услышит. Благодаря полученному уроку у нее уже начало с горем пополам получаться, хотя до крестьянок ей еще было далеко.

А в это время мимо поля пронеслась коляска Червинских: расстроенная Натали стремилась поскорее убраться из владений Шефер.

— Как ладно поют девушки, — мечтательно заметила она.

— Поют, шоб не заплакать, — тихо проронила сидевшая рядом Орыся и отвернулась к окну.

Орыся решила не рассказывать хозяйке о том, что узнала о Катерине, сочтя, что та ей попросту не поверит. Вместо этого сразу по возвращении она бросилась на кухню и доложила Павлине все, что услышала от казачка: об отрезанной косе, о ночи в кандалах, о порке...

Кухарка схватилась за сердце еще на середине ее рассказа и без сил опустилась на лавку. Вздыхая, она раскачивалась взад-вперед, не в силах даже плакать, ведь слезы текут, когда еще остается какая-то надежда.

И только работавшая тут же Галина слушала Орысю с радостью.

Получив столь жесткий отпор у Шефер, Натали не собиралась сдаваться. Теперь ей еще больше хотелось вернуть Катерину в Червинку. Когда отец приехал ее проведать, она принялась упрашивать его выкупить Китти и подарить ей. Александр Васильевич никогда не мог отказать любимой дочери, и тут не устоял, хотя, когда услышал сумму — десять тысяч — только крикнул. Но делать нечего, раз обещал. Как только Петр Иванович объявился в поместье, Дорошенко-старший напросился к нему в кабинет для дружеской беседы.

Однако ж разговор старых приятелей не заладился с самого начала. Стоило Дорошенко лишь заикнуться о том, чего хочет его дочь, как Петр Иванович запротестовал:

— Нет! Нет и нет! Я решительно против!

— Да полно, полно вам... — растерялся тот, не ожидавший столь бурной реакции. — Я только хотел презент дочке сделать. И всего-то.

— Хорош был бы презент! Я и продавал, лишь бы духу ее не было в нашем доме!

— Что же она такого сделала? — растерянно спросил Дорошенко.

— Бог сохранил, пока ничего, — ушел от прямого ответа Червинский.

— Что вы имеете в виду? — Александр Васильевич был столь озадачен, что решил все-таки выяснить истину.

— Видите ли, дорогой мой Александр Васильевич... — принялся намекать Петр Иванович, — дети наши только поженились...

— А это тут каким боком? — все не догадывался Дорошенко.

Петр Иванович вздохнул и многозначительно посмотрел на него.

— Я думаю, что на первом году семейной жизни им не нужны в доме никакие компаньонки. Тем более молоденькие и хо-

рошенькие... тем более при молодом барине-бездельнике. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Да уж как тут не понять... — расстроился Дорошенко.

Впрочем, рюмка отменного коньяка помогла ему справиться с огорчением.

В шинке с низкими потолками и закопченными стенами былолюдно. Молодой студент, зайдя внутрь, стоял в дверях и ждал, привыкая к полумраку и шуму. Обратив внимание, что шинка отошла в соседнюю комнату, он двинулся между рядами, пошатываясь, как пьяный, и незаметно засовывая в карманы посетителей бумажные листки.

Степан со своим новым приятелем, встреченным возле усадьбы Шефер, сидел в одном из темных углов. На столе перед ними возвышалась бутылка в окружении скромной закуски. Приятель Степана заметил студента, и они обменялись взглядами.

— Значит, с Харькова ты, — вполголоса продолжал беседу Степан.

— Да. Мастеровой, — так же тихо отвечал ему тот.

— А на мельнице шо делаешь? Чего открыто не живешь?

— Да и ты тоже, вон, шапку потуже на лоб натягиваешь, — хитро улыбнулся мастеровой. — Да ты не бойся, не выдам, — поспешил он успокоить собеседника, заметив, как тот поежился от этих слов. — Наоборот. Помогу.

Степан угрюмо замолчал, думая о Кате.

— Нахрапом ты свою дочку от Шеферчихи все равно не вытащишь бы.

— Не вытащишь бы, так эту ведьму, Шеферчиху, придушил бы, — хлопнул Степан ладонью по столу. — Два врага у меня: она и этот ирод, пан Червинский!

— Тихо-тихо... Не ты один их за горло пощупать рвешься, — заверил мастеровой, с интересом рассматривая Степана. Сильный, сухой, волевой — видно, что если что-то удумал, то уже не остановится. — Много таких. Да и на других панов тоже вилы точатся.

В это время в руке у Степана оказалась листовка. Тот оглянулся: студент шел дальше по рядам столов.

Степан бросил взгляд на листок, на самом верху которого виднелся лозунг «Земля и воля». Ниже на картинке счастливый крестьянин пахал землю. Рядом была напечатана заключенная в рамку поговорка: «На своїй ниві і піт солодкий». И снова лозунг: «Геть кріпацтво!» Ошеломленный, он вновь оглянулся, ища глазами человека, который дал ему листок. Студент положил такую же прокламацию перед другим мужиком, и тут из карманов с бутылкой и колбасой в руках вышла шинкарка.

— А ну, вон отсюда! — мигом метнулась она к нему с полотенцем наперевес. — И бумажки свои забери! У меня пристойное заведение!

Студент поспешно покинул шинок. Степан засунул прокламацию в карман и, забыв о своем новом друге, да и вообще обо всем, двинулся к выходу. Мастеровой поспешил за ним.

— Еще мне этих гайдамаков тут не хватало! От заразы! — ругалась шинкарка, резво обходя столы, собирая листовки и бросая их в печку.

Степан же с харьковским мастеровым уже догоняли студента на улице. Оглянувшись и заметив их, тот остановился.

— Сколько раз говорил тебе, — рассердился мастеровой, поравнявшись с парнем, — незаметно, тихо действовать надо. Счастье, что эта шинкарка околоточного не позвала. А то упекли бы тебя сразу.

— А я не боюсь их! — дерзко заявил студент. — Хоть в Сибирь пойду за наше дело! Хоть на каторгу!

— Ой, не дразни долю, парень, — мрачно проговорил Степан. — Лучше скажи мне, — он достал из кармана прокламацию, — в этой твоей писульке о серьезном деле говорится? Или так, балабольшество одно?

— Это более чем серьезно! — заявил студент, расправив плечи. — Крепостничество — это варварство, архаизм! Нигде в Европе этого нет! Люди рождены равными! И должны быть равными! Жить свободно, дышать свободно! И работать на своей земле.

— И много вас таких? — покосился на него Степан.

— Много, — жестко ответил мастеровой. — А по всей империи — тысячи.

— У нас в Нежине уже целая ячейка, — гордо добавил молодой человек. — Зоценко, студент, — протянул он руку.

Степан пожал ему руку, внимательно глядя на своих товарищей.

— Правду говорите?

— Где заброшенная мельница, знаешь? — вместо ответа сказал мастеровой. — Приходи нынче вечером. Послушаешь, а там поговорим, подумаем, как твоей дочке помочь.

Степан кивнул, и все трое молча разошлись в разные стороны.

После не самого приятного разговора со старшим Червинским Дорошенко пришла в голову дельная мысль, и он направился в курительную комнату, полагая найти там Григория.

— А-а-а! Александр Васильевич! — радушно воскликнул Червинский-младший. — Всегда рад. Присаживайтесь. Трубочку? Я привез из Парижа отменный табак.

— В другой раз. — Дорошенко выставил вперед ладонь, садясь напротив него. — Я ведь к вам, Григорий Петрович, с деловым предложением.

— Любопытно. — Григорий подался в кресле вперед и скрестил пальцы рук.

— В прошлом году, — начал Александр Васильевич, внимательно наблюдая за реакцией зятя, — я по случаю прикупил одно милое именье под Екатеринославом. Места там чудные! Пятьсот душ.

— Отменное приобретение, — ответил Григорий. — Искренне за вас рад.

— Только вот за этим добром глаз нужен, — продолжал, глядя в глаза Червинскому, Александр Васильевич, — иначе все растащат, народ избалуется. Хозяин там нужен.

— Верно, — согласился Григорий, ожидая, к чему клонит тесть. — Так что ж, значит, вы нас покинете ради новых владений?

— Стар я, — вздохнул Дорошенко. — Не в моих летах менять насиженное место. Вот и подумал: а что, как я вас с Натали там поселю?

Григорий напрягся. Его подозрительный разум, истощенный опиумом, во всем чуял подвох. Зачем же ему уезжать?

— Предложение на редкость заманчивое, — ответил он. — Только вряд ли я смогу его принять. Привык жить тут, в Червинке.

— Но на отцовских хлебах жить не то что на своих, а? — стал уговаривать его Дорошенко. — А там будете сам себе хозяин! И вам хорошо, и добру присмотр. Поместье это может приносить солидный доход, который при рачительном приумножении может позволить даже в столицу переехать.

— Я, право, не знаю... — задумался Григорий. Предложение было действительно заманчивым. Но уехать отсюда значило навсегда оставить Катерину, надежду на обладание ею. И он отрицательно покачал головой. — Как же тут завод махорочный бросить? Отец рассчитывает на меня. Столько дел ему одному не по силам... Простите. Нет уж, где родился, там и сгодился. Увы.

Вспомнив недавние слова Петра Ивановича о том, что Григорий ничем не занят, Дорошенко надолго задержал на нем взгляд, после чего поднялся.

— Что ж, жаль. Очень жаль.

Откланявшись, он пошел одеваться, и за этим его застала Натали. Ему пришлось огорчить любимую дочь:

— Место крепостного там, где скажет его хозяин. А у твоего мужа, полагаю, предостаточно иных забот, кроме тревог о какой-то там крепостной девице. Да и тебе, душенька, лучше своей семьей заняться, мужем. Когда вы с Григорием порадуете меня внуком?

Смутившись и покраснев, Натали опустила глаза, сразу утратив весь пыл.

— Семья без детей — не семья, — продолжал, целуя дочь в щеку, Александр Васильевич. — Вот о чем тебе радеть нужно, а не в куклы живые забавляться.

После первого дня панщины Катерина не чуяла под собой ног, сбитых о камни. По земле за ней стелился кровавый след. И снова дворовые обратили к ней взгляды, когда она миновала ворота усадьбы.

— Та скорей же ты, иродово семя! Еле тащится... — понукал Захар, то и дело тыча Катю в спину кнутом. — Все, тут стой, — остановил он ее прямо у столба. — Кузьма! Иди сюда, подсобишь с этой.

Поняв, что сейчас ее снова будут мучить и, вернее всего, забьют насмерть, Катерина повернулась к Захару и рухнула перед ним на колени.

— Молю вас, сжальтесь, Бога ради! Позвольте мне исповедоваться. Если такая моя доля — умереть, то хоть не дайте отойти на тот свет без покаяния! Хотя бы молитву прочитать — ради всего святого!

Захар нахмурился, но кивнул:

— Молись. Только быстро.

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий, — сложив руки и закрыв глаза, торопливо зашептала Катя, — прости мне прегрешения мои вольные и невольные! Ежели обидела кого словом, делом, мыслью — прости, как и я прощаю. На Тебя уповаю, на волю Твою и милость! Господи, если это последний мой час, то... прошу! Пусть смерть моя будет скорой и...

— Будет с тебя! — оборвал ее Захар и грубо дернул вверх за локоть, поднимая с земли и толкая вперед. — Подол подбери!

Катерина непонимающе посмотрела на него.

— Нечего такой грязище в панский дом переться! — Он задрал ей юбку так, что стали видны истерзанные грязные ноги. — Держи! — После чего командовал Кузьме: — Давай!

Захар отошел на пару шагов, и Кузьма окатил Катины ноги водой из ведра.

— Оботри юбкой! — велел Захар Катерине. — Да быстрее ты, пани ждать не любят!

Степан осторожно пробрался через заросли к мельнице, остановился под окном и напряг слух.

— Человек — это не вещь и не товар! — уверенно, с напором говорил харьковский мастеровой. — Человек рожден свободным и должен жить свободным!

Степан кивнул и пошел ко входу.

Внутри собравшиеся, сидя кружком, внимательно слушали оратора.

— Будущее, — продолжал тот, окидывая взглядом всех присутствующих, — за крепкой крестьянской общиной! За крепким хозяином, который сам возделывает свою землю! Крестьяне должны работать на собственной земле! Не на панской. Не в рабстве или по принуждению, а на своей! И по доброй воле. Именно потому мы так и называемся — «Земля и воля»!

— Дело говоришь!

— Оно б добре... — раздавалось среди собравшихся.

Потихоньку, стараясь не мешать, Степан пробрался поближе и присел рядом с могучим парнем, судя по широким плечам — кузнецом. Тот повернулся к нему, чтобы поздороваться.

И так Степан впервые встретил Назара.

Глава вторая

В столовой, куда Захар привел едва живую Катерину, был накрыт стол для ужина на двоих. Споткнувшись о порог, Катерина вошла и остановилась в напряженном ожидании. Лидия бросила на нее оценивающий взгляд и с деланным участием улыбнулась:

— Входи, Китти. Смелее. А ты что застыла? — повернулась она к девке. — Подай ей влажное полотенце.

Крепостная девица мигом выполнила повеление. Катя стала вытирать лицо, руки, настороженно поглядывая на приветливо улыбающуюся Лидию.

Та указала на стол:

— Сядь, поешь. Я же вижу, ты голодна.

— Благодарю, пани, — отрицательно покачала головой Катерина. — Я не...

— Садись, — мягко, но настойчиво повторила Лидия.

Поняв, что это приказ, Катерина послушно присела. Лидия кивнула лакею, и тот сразу налил Катерине чаю, положил на тарелку кусок яблочного пирога.

— Ешь, — предложила Лидия. — Пирог нынче удался.

Катерина посмотрела на аппетитный, еще горячий пирог. Аромат от него поднимался такой, что внутри у нее все переворачивалось от голода. Она надкусила его, стараясь сдерживаться, но уже через секунду забыла о достоинстве и манерах и стала жадно глотать, едва успевая пережевывать.

— Вкусно? — Лидия удовлетворенно откинулась в кресле.

Катерина кивнула, опасливо поглядывая на хозяйку.

— Вот видишь, я не кусаюсь, — широко улыбнулась Шефер. — У меня к тебе пара вопросов. Ответишь?

Катерина снова кивнула, внутренне приготовившись ко всему.

— Ты ешь, ешь, — успокаивающим тоном повторяла Лидия. — Прощка, налей ей еще чаю. Расскажи-ка мне, где ты жила у Червинских, что делала? Как дни проводила?

— Жила в доме. Анна Львовна так приказала, — отвечала Катерина, отвернувшись от пирога и глядя в пол. — Поутру я читала моей пани романы, мы беседовали. Когда бывали гости, я развлекала их музицированием.

— Это я уже слышала. Ты скажи лучше, Алексей Федорович у них бывал? Вы там познакомились?

— Нет, — сказала Катя и подняла глаза на хозяйку. — Он спас меня на дороге. Была гроза, — стала отвечать она на немой вопрос Лидии. — Моя лошадь сильно испугалась. А Алеша ее усмирил... Потом начался ливень...

Катерина рассказывала, постепенно уносясь мыслями в прошлое, в котором была счастлива, еще сама не зная о том.

— И? — чуть приподняла брови Лидия.

— И... мы спрятались на заброшенной мельнице. — Катя замолчала, пока перед ее внутренним взором мелькали далекие уже образы: влажное от дождя лицо Алеши, его смех, его блестящие глаза...

— И что же было дальше? — резко спросила Шефер. — Ведь что-то было?

— Зачем это вам, пани? — очнулась Катерина.

— Отвечай! — отбросив всякое притворство, потребовала Лидия.

— Что вам до того, что было между нами? — спокойно посмотрела на нее Катя. Воспоминания избавили ее от страха и даже, кажется, от боли в ноющем теле.

Лидия долго всматривалась в Катерину, постепенно взгляд ее тускнел, пока не стал отсутствующим.

— Ты украла то, что было предназначено мне! — проговорила она одними губами со странной улыбкой. — Но... ты проиграла.

С этими словами Лидия встала, подошла к камину, на полке которого что-то было накрыто белым шелком, и дернула за уголок ткани. Покрывало сползло, открывая изображение. Это был традиционный свадебный портрет... портрет Лидии и Алексея.

— Теперь он мой муж. — Лидия нежно провела кончиками пальцев по лицу Алексея, улыбнулась и повернулась к Кате. — Он любит меня...

— Вы... — Ошеломленная Катерина не сводила глаз с портрета. — Вы безумны...

— Говори! — резко обернулась к ней Лидия, и во взгляде ее и вправду мелькнуло безумие. — Все как было рассказывай!

— Что было между мной и Алексеем — только наше! — с невесть откуда взявшимися силами произнесла Катерина. — И я вам этого не отдам!

Те же неведомые силы заставили ее вскочить со стула, броситься к портрету и швырнуть его в камин. В голове ее в тот момент не было ни единой мысли, ее влекло лишь яростное желание защитить память о своей любви.

С глухим стоном Лидия метнулась к камину. Катерина попыталась преградить ей путь, встав перед ней и дерзко глядя в глаза, но Лидия просто отбросила ее в сторону. С размаху ударившись головой о колонну, Катерина упала на пол без чувств.

— Алеша! Алешенька! Любимый!

Лидия рухнула на колени перед камином, сунула в огонь руки, но ожог заставил ее закричать и потерять остатки самообладания.

— Заха-а-ар! — страшно закричала она, глядя на то, как пламя лижет уголок рамки. — Достань портрет!

Вбежавший Захар на секунду замешкался, пытаясь понять, чего хочет от него госпожа.

— Что стал столбом? — вконец рассвирепела Шефер. — Спасай его!

Управляющий опомнился, схватил кочергу и вытащил портрет. Лидия тут же отобрала его и, еще горячий, прижала к сердцу, словно живого человека.

— Милый! Милый! — повторяла она, вне себя от горя.

Захар смотрел на хозяйку в крайнем замешательстве: такой он ее еще не видел, хотя, казалось, ко всему уже привык.

Лидия тем временем вытирала сажу и гарь с картины, но вдруг замерла: она заметила, что портрет безнадежно испорчен. Краска пошла пузырями, изображение почернело, а местами прогорело...

— Убийца! — в ярости развернулась она к лежавшей без чувств Катерине. Лицо Лидии стало таким же черным, как и ее портрет. — Гадина такая! Гадина! Ненавижу!

Она подскочила с колен и принялась избивать бесчувственную Катерину ногами. Но и это не могло унять ее боль и ненависть, и Лидия взялась за кочергу. Тело Кати содрогалось под ударами, однако она не издавала ни звука, не открывала глаз. Отбросив кочергу, Лидия стала швырять в распростертое перед ней, уже кое-где окровавленное тело все, что подворачивалось под руку.

Захар, стоя поодаль, наблюдал за этим с бесстрастной маской на лице.

Поздно вечером в двери хаты семьи Горемык настойчиво постучали. Ярослава, кормившая ужином детей, с тревогой вскинула голову и переглянулась с Павлом, который на лавке чинил старую колыбельку. Почти сразу же дверь распахнулась и на пороге возник Захар с бесчувственной Катериной на плече.

— Шо такое? — поднялся Павло, внешне неказистый мужик с угловатыми чертами. — Это хто?

— Жинка твоя ее знает, — кивнул Захар на Ярославу. — Будете глядеть за ней. — И он сбросил Катю на лавку.

— Нам шо, в хату ее взять надо? — попытался возмутиться Павло.

— Хоть в хату, хоть в сарай... мне все равно, — отвечал Захар, приглаживая пятерней растрепавшиеся волосы. — Только если помрет, с вас спрошу, понятно?

Павло беспомощно оглядел свою тесную хату, лавку, на которой теснились дети — мал мала меньше, словно хотел сказать: куда ее, сам не видишь, что ли? Но Ярослава взглядом остановила его, подошла к Кате и с состраданием посмотрела на нее.

Не пожелав более тратить время на разговоры, Захар ушел. А Ярослава смочила тряпицу в колодезной воде, склонилась над избитой до полусмерти Катериной и, сокрушенно качая головой, стала протирать ей лицо... Шестеро ее детей сновали вокруг, а седьмой за столом деловито доедал кашу.

— От не было заботы... — тяжело вздохнул Павло, жалея в первую очередь жену.

Катерина чуть приоткрыла глаза и прошептала что-то в бреду.

— Ох, бедная... — почти в унисон с мужем вздохнула Ярослава. — Замордовала Купчиха... Все кишки поотбивала... Попей, милая... — Подняв Катерине голову, Ярослава дала ей пару глотков воды, затем снова принялась заботливо вытирать ее тело влажной тряпицей.

— Все одно до утра не доживет, — не сдержался Павло.

— Цыц! — шикнула на него Ярослава. — Не гневи Бога! Ще поглядим... Может, крапивным отваром ее отпою... Он кровь у нутрях останавливает.

Григорий уже целые дни проводил в курительной, но напрасно — боль только усиливалась; похоже, опиум перестал помогать. Натали не могла смотреть на такие муки и вызвалась сама сделать ему инъекцию чудодейственного средства, как научил ее нежинский аптекарь, у которого она из самых лучших побуждений приобрела этот «подарок» для супруга.

Затаив дыхание, она наблюдала за тем, как после введения препарата Григорий расслабился в кресле, прикрыв глаза.

— Ну как? — Натали налила в стакан коньяк и подала мужу, неотрывно глядя на его лицо.

— Хм... — удивился Григорий, — кажется, отпустило.

— Вот видишь, это отличное средство! — в восторге воскликнула Натали.

Григорий встал и, все шире улыбаясь, прошелся туда-сюда по комнате, все увереннее опираясь на больную ногу.

— Невероятно! — изумился он. — Дорогая, вы... — Он подошел к жене и замер.

На него снизу вверх смотрела Катерина в платье с глубоким декольте.

— Ты?.. — не поверил своему счастью Григорий.

— Я, Гриша... Кто ж еще? — ответила Катерина голосом Натали и ласково взяла его за руки.

Григорий порывисто обнял ее и стал покрывать страстными поцелуями ее руки, плечи, шею...

— Полно, Гриша, полно... — жарко задышала Катерина в его объятиях, — сюда могут войти... — Она опасливо оглянулась на дверь.

— И пусть! Хочу тебя... тут... сейчас!

Григория уже было не остановить, слабое сопротивление женщины его только распаляло.

Еще секунду назад Натали не на шутку испугал такой напор обычно куда более сдержанного супруга, но постепенно она начала отвечать на него, обвив его шею руками... Григорий, сорвав с себя одежду, уложил ее на пол, и ее глаза закатились от истомы...

В жизни Галины только и было радости, что узнать о несчастьях Катерины. После того как Яков грубо отказался и от нее, и от своего ребенка, она попыталась покончить с собой, повесившись в амбаре. По счастливой случайности туда зашел Панас и вытащил ее из петли. Панас давно вздыхал по Галине, да только она его едва замечала. Но теперь призналась ему, рыдая, что беременна от Якова. Не долго думая Панас пообещал взять ее в жены, даже сообщил об этом управляющему. Только Галина не хотела его, простого крепостного, ей был нужен Яков.

В тяжких думах о своей неудавшейся судьбе Галина зашла в курятник и, не глядя по сторонам, направилась к насесту,

чтобы собрать яиц. Как вдруг чьи-то сильные руки схватили ее и прижали к стене.

— Галька! Стой, не кричи, я поговорить хочу! — Яков ослабил хватку и обнял ее. — Шо ж это ты от меня бегаешь?

— Пустите! — поднатужилась Галина и оттолкнула его.

— Ты шо ж это, и вправду удавиться хотела?

— А вам-то шо? Думаете, покрыткой стать — великое счастье? Вот увидите: рожу, вам на порог вашей каморки дитя положу, а сама пойду и в речке утоплюся!

Столько отчаяния было в ее голосе, что Яков осознал: это не просто слова.

— Галя... — выдохнул он.

— Утоплюся! — еще убедительнее повторила Галина. — Вы ж от меня отхрестилися, так мне теперь все одно!

— Тише, тише... Ну, чего ж так сразу «отхрестился»? Будем жить, как и раньше. — Яков снова попытался ее обнять.

— Невенчаннные? — опять оттолкнула его Галина. — Благодарствую, не надочки! На меня и так уже люди одним пальцем тыкают, а станут двумя!

— Да уймись ты, глупая баба, — рассердился Яков. — Мне же, шоб жениться, надо ж тебе вольную справить. А ты пана нашего знаешь: он как мой интерес поймет, втридорога заломит.

— А вам и жалко? — обиженно протянула Галина и отвернулась.

— Жалко! Потому шо знаю, как это дело без денег проверить, — понизил он голос до полупшепота. — А на грошики эти мы с тобой потом или коровку, или бугая купим. А?

— Вольную? И задарма? — прищурилась Галина недоверчиво.

— Тебе всего-то и нужно... замуж выйти. — Яков заговорщическим жестом положил ей руку на плечи.

— Шо-то я в толк не возьму... — снова подозрительно посмотрела на него Галина. — Замуж? За кого?

— За Панаса, — предложил Яков, словно какой-то пустяк. — Скоро осенний призыв, — продолжал он говорить тихо и убедительно. — Я его в рекруты и запишу. А молодой солдатке, сама знаешь, воля полагается. А потом мы с тобой уедем куда-ни-

будь... Хоть в Полтаву. Купим там хуторок на речке и заживем! — И Яков широко улыбнулся.

Галина по-прежнему косилась на него с прищуром, но все-таки задумалась над его словами.

— Ладно, — вздохнула она. — Хай будет Панас. Только ж вы смотрите, в рекруты-то его отдайте. А то забудете, а мне потом с ним...

— Ничего, потерпишь чуток, — снисходительно произнес Яков. — Сказал — сделаю. — И небрежно спросил, намекая на угрозы Галины рассказать хозяевам, что он утаивает от них часть оброка: — А ты ж никому больше не болтала про мои дела?

— Нет, — понимающе улыбнулась Галина.

— Вот и умница. И не говори. Это ж все для нас с тобой... — проникновенно прошептал он, — понимаешь?

Галина кивнула и чмокнула Якова в щеку.

— Ну, иди. Иди, куда шла, — напутствовал он ее, от души хлопнув по заду.

Галина кокетливо взвизгнула, и Яков, довольный собой, вышел из сарая.

Открыв дверь на требовательный и громкий стук, Лариса замерла, увидев на пороге Петра Ивановича.

— Вы? Зачем вы здесь?

— Лариса, не могу я без тебя. Ты зачем подарок мой вчера вернула? Я четыре дня мучился, ждал весточки от тебя...

В глазах его стояла такая мука, что Лариса не смогла сразу захлопнуть дверь. А потом было уже поздно — Червинский отодвинул ее в сторону и зашел в квартиру.

— Петр Иванович, не нужно... — Она все же попыталась остановить его.

— Лариса! Послушай... — жарко заговорил он, обняв ее за талию. — Ты моя женщина. Все. Точка. Собирай чемоданы.

— Петр Иванович, не мучайте меня. — Лариса, закрыв глаза, покачала головой. — Это выше моих сил. Я... я люблю вас. Но все, все вокруг против нас. Не будет нам счастья... И в Червинку я не вернусь.

— А я этого и не требую, — вдруг заявил он. — Мы едем в Париж.

— В Париж? — ошеломленно переспросила она.

— Куда угодно! Лишь бы подальше. Куда скажешь.

— И вы вот так вдруг бросите все? Поместье? Завод? — с горечью сомнения произнесла Лариса. — Это будете не вы, — грустно улыбнулась она.

— Лариса! Без тебя я — не я! — пылко возразил Червинский. — Да! Брошу! Все! Гори оно огнем!

Лариса начала поддаваться его напору, но пока еще колебалась:

— Уедем... А дальше?

— А дальше... — вгляделся ей в глаза Петр Иванович, — в первой же церкви, которая тебе понравится, мы обвенчаемся.

— Ах... — Ощутив, как у нее подкосились ноги, Лариса обхватила его за шею, чтобы не упасть.

— Не хочешь в Париж? Выбирай куда...

— С вами хоть на край света... — В порыве чувств она сама поцеловала его, и они застыли так надолго, забыв обо всем на свете.

— Тебе больно, родной мой? Ничего... Ничего... потерпи. Еще чуть-чуть... Ты поправишься... Я тебя вылечу.

Растрепанная, перепачканная золой Лидия протирала губкой свой с Алексеем портрет, словно выхаживала живого человека; да похоже, она искренне верила в то, что ее возлюбленный воплотился в этом изображении.

Захар и крепостная служанка украдкой наблюдали за госпожой.

— Ирка! — резко обернулась она. — Подай корпию! И воду теплую! Раны барину промыть надо...

Ирка тут же сорвалась с места и побежала выполнять приказание. Захар долго смотрел на барыню, размышляя и прикидывая, после чего наконец решился осторожно спросить:

— Пани, может, лучше послать за вашим лекарем?

— Нет! Нет! — истерически закричала Лидия. И тихо добавила: — Лучше жены никто не лечит. Подай мазь от ожогов!

Літературно-художнє видання

Кріпосна. По той бік свободи

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 04.06.2019.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 21 + кол. вкл.
Наклад 15 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Крепостная. По ту сторону свободы

Роман

Руководитель проекта *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 04.06.2019.
Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 21 + цв. вкл.
Тираж 15 000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Іграшка в чужих руках і безправна лялька — ось ким була Катерина все своє життя. Рабinya й прислуга. Кріпосна. І тепер її знову продали, як товар. Її нова хазяйка — жорстока Лідія Шефер. Вона впевнена, що Катерина повинна відповісти за смерть її коханого Олексія. Лідія прагне перетворити життя дівчини на справжнє пекло... Але під час народного повстання Катерині вдається втекти від жорстокої хазяйки до Києва. Попереду — небезпечний та безжалний світ київських борделів. Що ж насправді чекає на Катерину по той бік бажаної свободи?..

Шевяхова В.

Ш38 Крепостная. По ту сторону свободы : роман / В. Шевяхова, Т. Пристаецкая, О. Кржечевская ; лит. обраб. И. Назаренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 400 с. — цв. вкл.

ISBN 978-617-12-5963-8

Ігрушка в чужих руках и бесправная кукла — вот кем была Катерина всю свою жизнь. Рабыня и прислуга. Крепостная. И теперь она вновь продана, как товар. Ее новая хозяйка — жестокая Лидия Шефер. Она уверена, что Катерина должна ответить за смерть ее возлюбленного Алексея. Лидия стремится превратить жизнь девушки в настоящий ад... Но во время народного восстания крепостной удается сбежать от жестокой хозяйки в Киев. Впереди — опасный и безжалостный мир киевских борделей. Что же на самом деле ждет Катерину по ту сторону желанной свободы?..

УДК 821.161.1(477)



Юная Катерина красива и умна. Волею своей крестной матери она воспитана как барышня благородных кровей. Но для всего мира она лишь чужая собственность, крепостная самого богатого помещика в Нежине, Червинского. Случайная встреча с пылким и благородным дворянином Алексеем Косачем стала для девушки самым счастливым событием в жизни. Но стоит ли Катерине мечтать о большем, если хозяйский сын Григорий готов на все, лишь бы заполучить такую красивую игрушку в свое безраздельное пользование, а за малейшее непослушание строптивую девицу могут продать, обменять, проиграть в карты или просто убить? И готов ли будет Алексей бороться за свою избранницу, когда узнает, что она — никто, просто имущество без прав на желания, мечты и... любовь?